

УДК 070

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДМЕТА ПОВЕСТВОВАНИЯ ПУТЕВОГО ПАЛОМНИЧЕСКОГО (ПРАВОСЛАВНОГО) ОЧЕРКА*Н.В. Крайнова***Аннотация**

Автор анализирует особенности предмета повествования путевого паломнического (православного) очерка. Традиция паломничества оказала влияние на сущность данной разновидности жанра, что отразилось как на жанрообразующих признаках, так и на информационно-смысловых задачах. Для исследования использовались современные очерки, опубликованные в православных СМИ на протяжении последних 15 лет. Выявлены особенности, характерные для паломнического очерка.

Ключевые слова: паломнический очерк, паломничество, путевой очерк, жанрообразующие признаки, хождение.

Паломнический очерк, повествующий о путешествии по святым местам с молитвенной целью, – разновидность путевого очерка, поэтому все жанровые особенности последнего распространяются на него. Древняя традиция паломничества оказывает существенное влияние на жанрообразующие признаки, которые становятся специфичными, и на информационно-смысловые задачи текста.

В древние времена смысл паломничества заключался в том, чтобы искупить какой-либо грех самим фактом совершения путешествия, которое ставилось на один уровень с подвигом: «Желание освятиться местом заставляло многих христиан, особенно в чём-то грешных и желающих искупить свой грех, предпринимать далёкие паломничества ко святым местам. <...> Подвиг же заключался в отказе от удобств, в том, что человек скидывал с себя временно все земные пути богатства и приобщался к нищете. <...> Так он шёл к тому месту, куда влекла его вера, и там, узрев святыню, прикоснувшись к ней, снова становился прежним человеком, лишь просветлённый подвигом, им совершённым» [1, с. 98]. Паломничество – это первый шаг человека к преодолению собственной греховной сущности, который, естественно, не может быть лёгким и в физическом плане. Святитель Феофан Затворник говорит о паломничестве так: «Жертву готовьтесь принести, а не удовольствия снискать» [2, с. 342]. Однако это «для Господа труд, Он даст и силу» [2, с. 343], добавляет святитель. В паломничество отправлялись с целью искупления греха, покаяния, приобщения к святыне.

Ещё в первые времена христианства Церковь выступала против самочинного бездуховного паломничества, осуществляемого лишь с целью внешнего почитания святынь. Один из отцов Церкви, святитель Григорий Нисский так пишет по этому поводу: «Перемена мест не приближает к нам Бога. Но где бы

ты ни был, Господь придёт к тебе, если обитель души твоей окажется такою. <...> А если внутренний твой человек полон лукавых помыслов, то хотя бы ты был на Голгофе, <...> ты столько далёк от принятия Христа в себя, сколько и те, которые не исповедовали и начала веры» [3, с. 36].

Следует отметить, что в наши дни смысл православного паломнического путешествия остался тем же. Это не просто перемещение в пространстве, созерцание и посещение мест, связанных с определёнными церковными, историческими, культурными событиями. В первую очередь, это – духовное восхождение, преображение души человека, которое происходит на святом месте путём внутреннего движения духа, переосмысления своих поступков, своей прежней жизни, покаяния. Всё это невозможно представить без испытания, которое необходимо будет выдержать. Оно заключается не только в отказе от удобств и привычной среды обитания, но и в духовном перестроении, в изменении своей воли, своих привычных желаний, которые нередко склоняют человека к греху. Поэтому не удивительно, что в паломническом очерке мотив испытания становится особенностью событийно-композиционного ряда. Обычно автор говорит об испытании:

– перед поездкой: *Несмотря на множество пугалок и страшилок, сказанных каждому из нашей паломнической группы на родине, мы всё равно здесь* (СК);

– в начале поездки: *И пришлось потерпеть. Шесть долгих часов полусна-полутряски. Это была на удивление мучительная ночь для меня, вроде бы привыкшей к подобным переездам* (КС, с. 5);

– в контексте внутреннего духовного кризиса: *...унылый пустынный пейзаж. Так же уныло было и на душе... Безразличие ко всему, тоска, хроническая раздражённость из-за того, что жизнь складывается не совсем так, как хочешь, были моими постоянными спутниками в то время* (ВС);

– как о нарастающем психологическом напряжении автора, которое с приближением к кульминации выливается в драматическое событие: *...как нестерпимо жгло солнце, как хотелось пить и сохли губы, как кричали торговцы водой. <...> Всё расхищено, потеряно, разбазарено без всякого смысла и толку. Кто мы на этом празднике жизни и смерти? Почему нам опять больше всех надо? <...> Между тем Анны не было. Не было её и через тридцать минут, как договаривались, не появилась она ни через сорок, ни через час. <...> Сейчас я зайду туда, где мне нужно понять самое важное. А я? Я только и думаю, куда подевался мой ребёнок. Вот так всю жизнь, всю свою жизнь я провела, волнуясь за неё* (ЕГЗ).

Встречается и такой пример испытания, о котором сам автор отзывается легкомысленно и не считает возникшую проблему важной, – «испытание верой». В этом случае читателю остаётся удивляться силе веры автора: *В Питере, где нас никто не ждёт, мы должны быть в 9 часов вечера. <...> Но, как ни странно, тревоги и беспокойства нет, есть удивительная, просто детская уверенность, что Господь как-нибудь все устроит. Так и получилось* (НППАС, с. 116).

Особенности паломнической традиции повлияли также на то, что в современном паломническом очерке превалирующую роль играет описание, которое затрагивает как внешнее (социально-бытовое, эстетическое, историческое) знакомство со святыней, так и внутреннюю, сакральную сторону авторского восприятия.

В паломническом очерке описание является не простым перечислением увиденных и пережитых фактов, а их анализом в свете православного христианского учения. В таком случае мы можем говорить, что в современном паломническом очерке присутствует религиозный экфрасис, встречающийся в литературных произведениях. Для религиозного экфрасиса характерно перемещение авторского восприятия от реального времени-пространства к сакральному, духовно-литургическому, считает О.Н. Хайруллина [4, с. 88]. Информационно-прагматический уровень становится фоном, на котором происходит личное открытие святынь, религиозно-философское осмысление своей жизни, человеческого бытия. Таким образом, автор-паломник перемещается не только географически, но главным образом духовно. Это оказывает влияние на жанровые особенности паломнического очерка. Так, неминуемо появляется несколько хронотопов. Хронотоп повествователя-рассказчика постоянно взаимодействует с локальными хронотопами:

- историческим (*Перед нами ожили страницы Священного Писания. Даже и мечтать не могла, что буду стоять там, где две тысячи лет назад проповедовал апостол Павел* (СЭ, с. 44));

- биографическим (жизнеописание святых) (*...можно прийти сюда и попытаться проникнуться тем духом. Попробовать поставить себя на место людей, как тех, кто сидел на трибунах, так и тех, кто находился на арене. Именно с этими мыслями я прикоснулся к стенам Колизея, месту, впитавшему в себя реки крови. Я словно увидел все происходящее – реально, без налёта одухотворённой поэтичности жития святого* (РТСП),

- социально-бытовым (традиции, уклад жизни) (*Ещё поселок Маалюля знаменит тем, что здесь до сих пор сохранился тот диалект арамейского языка, на котором говорил Иисус Христос* (ППМ)).

Пожалуй, самой яркой является неразрывная связь с сакрально-смысловым хронотопом, который постоянно напоминает о «горнем мире», под сводами которого живёт мироздание и к которому можно «прикоснуться» в путешествии: *После молитвы в Домике Богородицы мне кажется, что Благовещение стало частью моей собственной жизни, что оно произошло буквально на моих глазах. Наверное, это и есть «прикосновение сердцем» к святыне, самое настоящее чудо, после которого прочие логические выводы и научные доказательства становятся ненужными* (ТГН). Или: *Оно [небо] голубое, как купол, а трава у обочины зелена, как крыша маленькой русской церкви. Где-то высоко-высоко мелькает серебряный крест самолёта* (СФП, с. 48). Или: *Ведь Афон – это иной мир, иное измерение, где от человеческого взора сокрыты несметные духовные сокровища, одно лишь прикосновение к которым может целиком изменить твою жизнь* (РА).

Паломничество – это своеобразная дорога (путешествие) к Богу и это очень личное проявление живой веры. Отсюда наличие открытых авторских размышлений и чувств. Яркий авторский образ присущ жанру очерка в целом. Как отмечает В.В. Ученова: «Приобщение читателя к поступкам автора как лицу не только комментирующему, оценивающему, анализирующему, но и действующему – один из эффективнейших методов выявления индивидуальности автора в журналистике» [5, с. 187]. Колоссальной роль автора в паломнической

литературе была всегда. Вспомним: самое первое «хождение» отличалось ярко выраженной авторской риторикой. Г.М. Прохоров подчёркивает самостоятельность автора в «Хождении игумена Даниила». В этом памятнике древнерусской паломнической литературы, в его первой редакции, очень точно передано авторское видение, в нём много личных впечатлений и подробностей. Впоследствии, когда эти подробности с новой редакцией все больше утрачивались, произошло «некоторое обезличивание», были потеряны «ценные вещи» [6]. В другом ярком примере паломнической литературы, правда, уже другой эпохи – «Путешествии ко святым местам в 1830 г.» А.Н. Муравьёва – мы встречаемся с «духовной исповедью» автора, «чьим религиозным и личным видением проникнуто все повествование», говорит исследователь творчества писателя О.Н. Хайруллина [7, с. 37].

Содержание паломнического очерка напрямую зависит от степени приобщения автора к описываемой им культуре православной веры. Чем более близка создателю произведения эта среда, тем очерк будет более интересным, увлекательным и понятным, даже если это касается текстов, в которых присутствует много исторических описаний. В очерке «На горе Елеонской» автор «проводит» читателю экскурсию, пережитую им самим, отсюда его ненавязчивость, поэтому многочисленные исторические сведения не погребают под собой важной с точки зрения автора информации. А его образ вполне раскрывается в таких «обрывочных» фразах, как: «посчастливилось побывать» (НГЕ, с. 34), «здесь на каждом шагу возникают недоумённые вопросы и чувство» (НГЕ, с. 34), «захватывает дух, на память приходят стихи псалмопевца» (НГЕ, с. 34), «хотелось бы подольше побыть на этом святом месте» (НГЕ, с. 35), «это производит очень большое впечатление» (НГЕ, с. 35).

Отметим, что в паломническом очерке автор нередко использует церковную лексику, а также цитаты, отрывки из Священного Писания, летописей, житий святых. Это делается и для передачи особого колорита речи (*Царство сербов и русских – не от мира сего, – отозвался митрополит. – Это царство избрали для нас равноапостольный князь Владимир и великомученик князь Лазарь* (ПР, с. 61)), и для подчёркивания закладываемого автором смысла (*Сегодня мы кричим: «Осанна!» – думала я, – а завтра? Кто из нас завтра опять предаст Его: словом, делом или дурным помыслом?* (ЕГЗ)), и для эмоциональной выразительности (*Как гром поразила строчка из Ветхого Завета: «Недостойный не узрит Иерусалима». За что же удостоилась этого дара я?..* (ВС)). В целом, авторы используют церковнославянизмы, которые понятны широкой аудитории («град», «припасть», «глас», «братия») и которые при необходимости тут же можно пояснить («десница», «стяжать», «лобзать»). Подчёркнём, что церковнославянские слова употребляются обычно в том случае, когда их появление оправдано стилистически: либо в связке с цитатой (*Часто приходили на ум слова псалмопевца красно и добро житии братии вкупе* (Пс. 132, 1) (ИУ)), либо в описании исторического события или жизни святого (*Апостола Павла поразило огромное количество серебряных и золотых идолов, стоявших буквально на каждом углу, и он «возмутился духом»* (СЭ, с. 44)).

В паломническом очерке имеются и заимствования из греческого языка, прочно вошедшие в церковный обиход («иерей», «архиерей», «паникадило»,

«просфора», «литургия», «акафист»). Мало знакомые церковной аудитории сопровождаются авторскими примечаниями и уточнениями (*хорос – также паникадило в форме круга, подвешенного на цепях* (ИУ)). Безусловно, такие слова, как, например, *евхаристия*, и ему подобные нуждаются в пояснении для понимания смысла массовой аудиторией. Во многом это зависит от места публикации очерка. В православном журнале или на интернет-портале, рассчитанном на «воцерковлённого» читателя, пояснение, возможно, и не нужно. Однако, если учитывать миссионерские задачи как самого СМИ, так и паломнического очерка, объяснение необходимо. В ходе анализа 60 публикаций исследуемой разновидности очеркового жанра нами выявлена общая тенденция использования малопонятных церковных слов на минимальном уровне и в сопровождении авторских или редакционных разъяснений. Это происходит ещё и по той причине, что сама традиция паломничества стала в современном мире одним из способов трансляции проповеди, поэтому в паломническом очерке она явственно прочитывается. Автор-паломник в очерке становится миссионером, рассказывающим аудитории на понятном ей языке о Христе. Кроме того, он заполняет возможный образовательный пробел читателя.

Культурные формы, рождённые в результате путешествия по святым местам, представляют собой образец жизни Церкви, какой увидел её автор. Используя в качестве «каркаса» форму путевого очерка, автор наполняет её содержанием – собственным паломническим путешествием, которое призвано познакомить читателя со святыней. Непосредственные образы, явления, ситуации, встречи, наблюдения, попавшие в поле зрения автора паломнического очерка, создают одну картину мироустройства, пронизанного взаимосвязями с духовным миром. Все эти виды описания выполняют неразрывные между собой задачи миссионерской проповеди и культурного просвещения.

В очерке Г. Пыльневой «К дальним святыням» (КДС) видна гармоничная связь этих двух задач. Так, читатель знакомится в кратком пересказе (в нескольких словах) с Евангелием, а именно – с чудом воскрешения Спасителем Лазаря. Данный отрывок включает в себя как историко-просветительскую информацию, так и черты проповеди: не знакомый с фактом воскресения Лазаря человек может заинтересоваться, а значит, почитать Евангелие. Далее вкратце читатель узнаёт дальнейшую историю пребывания святого Лазаря Четверодневного на острове Кипр. События двухтысячелетней давности становятся для читателя ближе, реальнее, когда он, зная историю, совместно с автором ступает по земле, помнящей жизнь воскрешённого Лазаря и хранящей его мощи.

Приведём и отрывок из очерка инокa Владислава (Томачинского) «Сербия монашеская» (СМ), который также свидетельствует о том, какую «двойную» информацию могут преподносить выбранные автором факты: *После Студеницы мы посетили Жичу – самый крупный в Сербии монастырь, основанный в начале XIII века св. Стефаном. <...> Удивительно, что в Жиче в одном из храмов сохранилась фреска императора-страстотерпца Николая II, написанная сразу после Первой мировой войны, рядом с образами равноап. князя Владимира и преп. Серафима Саровского. Сербы всегда почитали царя-мученика Николая и даже решились на такое изображение за многие десятилетия до официальной канонизации* (СМ, с. 189). В данном тексте представлена историческая информация

о событиях в России, связанных с революцией и убийством царской семьи. А следующее предложение уже посвящено истории Сербии, вернее – отдельному её периоду: *При коммунистах фреску закрыли бумагой, о чём сейчас свидетельствуют следы* (СМ, с. 189).

Обратим внимание и на другой пример предъявления информации: *Двухстолпный Преображенский храм необычайно светлый, парящий, очень просторный. Братия некогда даже не верила в возможность возведения такого большого храма и считала начало строительства собора неслыханной дерзостью своего игумена (Филиппа) перед Богом, однако смирилась с его начинанием. Смирение, труд и молитва – вот что двигало строителями-монахами. Собор построили всего за 8 лет* (ФП). В данном случае автор показывает, как создавался величественный храм – трудом и молитвой. Авторский акцент сделан на понимание читателем связи между внешним архитектурным великолепием и её внутренней причиной. Снова происходит взаимодействие смысловых уровней информации.

Отметим, что это взаимодействие может быть очень незаметным, скрывающимся под описанием интересных деталей: *И вдруг совершенно неожиданно проводить отъезжающих паломников выходит пёстрый величавый павлин, покачивая переливающимся сине-зелёным хохолком на голове. Где-то мы совсем недавно видели эту роскошную птицу... Да, на фреске византийского храма. Ведь павлин – древний христианский символ Воскресения* (НРРС, с. 35). Очевидна ассоциативная связь, которая связывает настоящее (павлин как птица) с культурным (павлин как фреска) и духовным смыслом (в первые годы гонений на христианство павлин был символом Воскресения).

Приведём другой пример культурной информации в тексте очерка Г. Пыльневой «В далёкой Иверии» (ВДИ). Здесь информация включает сведения об особенностях архитектуры, иконописания, внутреннего оформления храма. Обратим внимание и на то, как гармонично вплетена она в канву повествования: *Храм этот крестовый в плане, простой, довольно низкий. Местами облупилась настенная живопись, облетела штукатурка. Иконы в большинстве «современного поновления». Только образ Божией Матери Иверской был исключением. Горько видеть его: прямо по лику Богоматери пробежали царапины – наше наследие* (ВДИ, с. 167). Культурная информация вновь соседствует с исторической: автор упоминает о трещинках на святом образе, которые появились в силу определённых событий.

Просветительская информация призвана рассказывать не только о внутренней жизни монастыря, но и о некотором укладе жизни христианина: *Строгость – это значит ничего лишнего и никаких упущений в богослужбной жизни. <...> Утреннее богослужение начинается в шесть утра с утренних молитв, за которым следует полунощница. Далее совершается...* (ФП). У читателя появляется косвенное представление не только о монашеском послушании, совершаемом в храме ежедневно, но и о том, каковы молитвенные правила вообще для каждого верующего человека. В паломнических очерках встречается информация о внутренней жизни монастыря, которая нередко используется автором не только для цели информирования, просвещения читателя. Пример внутренней жизни монастыря помогает автору сделать вывод.

В очерке «Сад Богородицы» автор описывает момент, когда настоятель Великой Лавры в глубоком смиренном поклоне благословляет всех паломников, выходящих из трапезной. В этом проявляется особое восприятие монашествующей братией посетивших её богомольцев: *Отец-настоятель и его помощники благословляют верных православных христиан, то есть, по словам апостола Петра, «род избранный, царственное священство, народ святой. <...> Они кланялись Самому Христу, так как многие из нас причастились Святых Христовых Таин* (СБ, с. 52). Принимать каждого человека как образ Божий, не осуждая и не превозносясь перед ним, способны только особенные люди. Другой современный автор, делясь впечатлениями об афонской жизни, отмечает: *Много раз я слышал на Афоне, что такая интенсивная молитвенная жизнь не проходит «безнаказанно» – если человек, <...> даже не будучи хорошим, всё время стремится быть таковым, он не может не меняться к лучшему...* (ВХА).

В паломническом очерке читатель может увидеть, какой физический и духовный подвиг несёт монашество. Для кого-то это может стать отправной точкой к осмыслению своего собственного бытия: мы живём в совсем других, более комфортных условиях, лучше едим и больше спим, а часто не имеем ни здоровья, ни спокойствия, ни уравновешенности – отчего? Так просветительская информация взаимодействует с христианской проповедью: даже поверхностное знание о внутренней жизни монастыря может стать причиной обращения человека к Евангелию. И здесь, разумеется, очень важной составляющей являются люди, герои очерка, которые представляют не только конкретный монастырь, но всю Церковь, всё православие.

Действительно, встреча в паломничестве с конкретным человеком приобретает духовный смысл. Поэтому важнейшим предметом описания в паломническом очерке является портрет верующего человека: внешний, заключающий в себе основные черты облика, и психологический, который проявляется в его действиях, поступках, отношениях с другими людьми. Например, в образе японского священника автор очерка «Литургия в Стране восходящего солнца» узнаёт нечто, что делает пока совсем незнакомого ему человека, говорящего к тому же на иностранном языке, родным: *И странное ощущение – словно обман какой-то... Он совершенно русский батюшка! <...> Войдя в храм, я никак не могу отделаться от мысли, что мы в России – настолько он «такой же», как наши священники, и в храме всё настолько «так же», как у нас. <...> Маленький, худенький, буквально прозрачный и оттого словно светящийся в полутёмном пространстве храма* (ЛСВС). В этом описании прочитывается явное духовное родство, которое и делает самого настоящего японца таким похожим на обычного русского батюшку.

В паломническом (православном) очерке очень многое может рассказать о человеке не только описание его внешности, но и поступок, привычки, образ жизни. В описании монахов и святых этот приём преобладает. Таков, например, портрет монаха из одного сербского монастыря: *Но самым сильным впечатлением от монастыря стала испостница свт. Саввы – место его подвигов в дни Великого поста, в восьми километрах от обители, высоко в горах. <...> Сейчас там живёт монах Антоний из Студеницы, в праздничные дни проделывающий нелёгкий путь от испостницы в монастырь и обратно. Прямо*

в скале вырублена небольшая келья, рядом источник... (СМ, с. 189). Всё, что нужно знать, – это факт жизни в скале, в испостнице, где свой подвиг, равный подвигу святого Саввы, несёт современный монах. В описании монашествующих нередко совсем отсутствует описание внешности. Образ человека автор строит за счёт внешних проявлений его личности, потому что большего знать и не нужно.

Портрет человека в паломническом очерке также может состоять из этапов жизни, событий, поступков, определивших его путь к Богу. Подчеркнём, что пересказ, авторское «переживание» жизни святого являются важной частью в очерке. Во-первых, через данную информацию читатель знакомится с житием святого. Во-вторых, портрет может служить неким фоном для знакомства читателя с обителью, с историей народа и т. п. В таком случае житийный портрет иллюстрирует общую картину.

Иногда, вместо отрывка из жития, автор может использовать лишь яркую деталь, выраженную в том числе с помощью художественных иллюстраций. В очерке «Люди и стены Пюхтицы» фото кладбища подписано так: *У послушницы Елены Блаженной много посетителей* (ЛСП). В этом предложении время остановилось и упразднилась смерть, потому что первое, приходящее на ум читателя: «Где же сама Елена?», так как она воспринимается как живущий в настоящем человек. И тогда приходит понимание, что имеется в виду могила блаженной, у которой всегда есть люди. Становится ясно, что автор умышленно дал такое название: в православном сознании смерти нет, душа вечна и она жива, а если человек жил праведно, как эта блаженная, то она сможет молиться о тех, кто её попросит. В данном случае образ блаженной добавил яркий штрих по-смертной святости (как итог смиренной, чистой, праведной жизни) в общем портрете монашествующих.

Нередко в портрет автор добавляет художественное начало, допускает своё малое «домысливание». Такой пример находим в портрете пророка Илии в очерке Г. Пыльневой «К дальним святыням»: *Его сломили бесконечная усталость и страшная душевная опустошённость при мысли о том, что людям не нужно знание истинного Бога, что не осталось на земле почитающих Его и верных Ему. Жизнь показалась бессмысленной...* (КДС, с. 95). В авторском размышлении читатель вдруг видит не великого пророка, а обычного человека, который также может поддаться эмоциям. И тем эффективнее оказывается дальнейший факт: получив ответ от Бога, пророк пошёл назад, через раскалённую пустыню, снова через испытания. Автор не только нарисовал портрет пророка Илии, но через реконструкцию его чувств донёс до читателя главную мысль: у каждого человека на земле свой, нелёгкий путь к Богу, полный испытаний.

Итак, паломническому очерку свойственно специфическое чередование картин явлений, исторических экскурсов, зарисовок, бесед, раздумий, анализа, что составляет основу произведения. Однако главная особенность в описании предмета повествования заключается в том, что все эти разного вида информационные сообщения (исторические, культурные, просветительские) находятся в тесном взаимодействии друг с другом, и в целом они несут более глубокий духовный смысл, который заставляет читателя приблизиться к сакральному сопереживанию. В этом проявляется миссионерская функция паломнического очерка.

Предмет отображения действительности в паломническом (православном) очерке оказывает влияние как на жанровые особенности, так и на смысловое начало. Задачи паломнического очерка связаны с сутью явления паломничества и наполняют содержание культурно-просветительской и миссионерской информацией, что находит своё отражение в жанрообразующих признаках.

Summary

N.V. Kraynova. Features of the Narrative Subject in Pilgrimage (Orthodox) Essay.

The paper analyses the narrative subject of pilgrimage (orthodox) essay. The pilgrimage tradition has influenced the essence of this type of essay, which is reflected in the genre-forming features and information tasks. The study examines the contemporary essays published by orthodox media over the recent 15 years. The most characteristic features of pilgrimage essay are revealed.

Keywords: pilgrimage essay, pilgrimage, travel story, genre-forming characteristics, walking.

Источники

- ВДИ – *Пыльнева Г.* В далёкой Иверии // Духовный собеседник. – 2001. – № 4 (28). – С. 167–168.
- ВС – *Поздняева К.* Восхождение на Синай. – URL: foma.ru/vosxozhdenie-na-sinaj.html, свободный.
- ВХА – *Дворкин А.* Вкус хлеба с айвой: Очерки об Афоне. – URL: <http://foma.ru/vkus-xleba-s-ajvoj.html>, свободный.
- ЕГЗ – *Зелинская Е.* Есть город золотой. – URL: <http://foma.ru/est-gorod-zolotoj.html>, свободный.
- ИУ – *Баранов Д.* Испытание и утешение. – URL: http://www.eparhia-saratov.ru/Articles/article_old_9737, свободный.
- КДС – *Пыльнева Г.* К дальним святыням // Духовный собеседник. – 2000. – № 3 (23). – С. 95–96.
- КС – *Крайнова Н.* Корабль спасения // Православная нива. – 2013. – № 11 (59). – С. 5–6.
- ЛСВС – *Морозов Н.* Литургия в Стране восходящего солнца. – URL: http://www.eparhia-saratov.ru/Articles/article_old_54675, свободный.
- ЛСП – *Коровин А.* Люди и стены Пюхтицы. – URL: <http://www.pravmir.ru/lyudi-i-stenyi-pyuhtitsyi>, свободный.
- НРРС – *Курова О.* На родине русского святого (впечатления от поездки в Миры Ликийские) // У гробницы святителя Николая Чудотворца (русские паломники в Мирах и Бари). – М.: О-во сохранения лит. наследия, 2005. – С. 35.
- НГЕ – *Тимошенко А.* На горе Елеонской // Вода Живая. – 2008. – № 6. – С. 32–36.
- НППАС – *Пыльнева Г.* На поклонение к преподобному Александру Свирскому // Духовный собеседник. – 2000. – № 1(21). – С. 116–118.
- ППМ – *Семёнова Н.* Паломничество за пять морей. – URL: <http://www.nsad.ru/articles/palomnichestvo-za-putat-morej>, свободный.
- ПР – *Кокухин Н.* Прекрасногория // Православная беседа. – 2009. – № 1. – С. 52–64.
- РА – *Михайлов И.* Русский Афон. – URL: <http://www.pravmir.ru/otkryitie-russkogo-afona>, свободный.

- РТСП – *Токарев А.* Руссо туристо у Святого Петра. – URL: <http://foma.ru/russo-turisto-u-svyatogo-petra.html>, свободный.
- СБ – *Кокухин Н.* Сад Богородицы // Православная беседа. – 2009. – № 4. – С. 50–63.
- СК – *Канина М.* Страна креста. – URL: <http://www.nsad.ru/articles/strana-kresta>, свободный.
- СМ – *Томачинский В.* Сербия монашеская // Духовный собеседник. – 2003. – № 1 (33)–2(34). – С. 188–189.
- СФП – *Надпорожская О.* Соль французских полей // Вода живая. – 2013. – № 10. – С. 39–48.
- СЭ – *Рыбакова С.* Святыни Эллады // Православная беседа. – 2013. – № 3. – С. 39–52.
- ТГН – *Горенок Н.* Там, где Небо. – URL: http://www.eparhia-saratov.ru/Articles/article_old_11007, свободный.
- ФП – *Контопов П., Годик Ю.* Путёвка на острова. Форпост Преображения. – URL: <http://www.taday.ru/text/50176.html>, свободный.

Литература

1. Записки священника Сергия Сидорова. – М.: Изд-во Православ. Свято-Тихон. богосл. ин-та, 1999. – 293 с.
2. Святитель Феофан Затворник. Что есть духовная жизнь и как на неё настроиться? – М.: Сестричество во имя преподобномученицы Великой княгини Елизаветы: Правило веры, 1996. – 414 с.
3. *Житенёв С.Ю.* История возникновения и богословский смысл православного паломничества // Православный паломник. – 2007. – № 3 (34). – С. 28–44.
4. *Хайруллина О.Н.* Религиозный экфрасис в «Путешествии ко святым местам в 1830 году» А.Н. Муравьева (на примере описания Храма Воскресения Господня) // Вестник МГОУ. – 2010. – № 5. – С. 85–88.
5. *Ученова В.В.* Творческие горизонты журналистики. К характеристике профессиональных методов. – М.: Мысль, 1976. – 204 с.
6. *Прохоров Г.М.* Игумен Даниил и его «Хождение» в русской духовной традиции. – URL: http://www.religare.ru/2_27295.html, свободный.
7. *Хайруллина О.Н.* «Путешествие ко святым местам в 1830 году» А.Н. Муравьева: черты паломнического очерка // Дальневосточн. гос. гуманитар. ун-т. – 2006. – С. 29–37.

Поступила в редакцию
29.04.15

Крайнова Наталия Викторовна – аспирант кафедры журналистики и социологии, Тольяттинский государственный университет, г. Тольятти, Россия.
E-mail: natafleur@mail.ru